

ПОДАРОК НА РОЖДЕСТВО

Рассказы
зарубежных
писателей

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821 + 82-822
ББК 84(0)я43
П 44

Составление Андрея Степанова

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Подбор иллюстраций Екатерины Мишиной

В оформлении книги использованы старинные открытки
и иллюстрации из периодической печати XIX — начала XX века,
а также иллюстрации @ Shutterstock/fotodom/

- © С. А. Антонов, перевод, 2026
- © Л. Ю. Брилова, перевод, 2026
- © А. Б. Грызунова, перевод, 2026
- © Н. Л. Дарузес (наследник), перевод, 2026
- © Э. И. Иванова (наследник), перевод, 2026
- © Е. Д. Калашникова (наследник), перевод, 2026
- © С. Б. Лихачева, перевод, 2026
- © Т. А. Озерская (наследник), перевод, 2026
- © А. Д. Степанов, составление, перевод, 2026
- © И. П. Стреблова, перевод, 2026
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-34476-1

Эрнст Теодор Амадей Гофман

**ЩЕЛКУНЧИК
И МЫШИНЫЙ КОРОЛЬ**

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ

В канун Рождества, двадцать четвертого декабря, детям медицинского советника Штальбаума целый день не разрешалось входить в проходную комнату, тем более в гостиную. Фриц и Мари сидели, прижавшись друг к другу, в уголке горенки. Наступили сумерки, детям стало страшно, потому что в комнату не внесли, как обычно, лампы. Фриц шепотом рассказал младшей сестрице (ей только что исполнилось семь лет), что с самого утра в запертых комнатах что-то шуршало и шелестело, слышалось легкое постукивание. А совсем недавно через прихожую проскользнул маленький человек в темном с большим ящиком под мышкой, Фриц знает это точно, то был их крестный Дроссельмайер. От радости Мари захлопала в ладоши: «Ах, крестный Дроссельмайер смастерил для нас что-то чудесное!»

Старший советник суда Дроссельмайер не отличался красотой, был он маленьким, худым человеком с морщинистым лицом, носил черный пластырь на месте правого глаза, а лысую голову прикрывал красивым белым париком искусной работы

из стеклянных нитей. Да и сам крестный был величайшим искусником, он хорошо разбирался в часах и даже умел их делать. Поэтому, когда у Штальбаумов переставали бить или петь часы, всегда приходил крестный Дроссельмайер, снимал стеклянный парик, стаскивал желтый сюртучок, повязывал голубой фартук, затем начинал тыкать острыми инструментами часы так, что маленькой Мари их было очень жалко, но вреда часам он не причинял, напротив — они оживали, начинали шуршать, тикать и петь, и все в доме этому очень радовались.

Всякий раз крестный приносил для детей что-нибудь замечательное: то человечка, который умел вращать глазами и отвешивать поклоны, вызывая у зрителей смех, то коробочку, из которой выскакивала птичка, либо что-то другое, не менее прекрасное. Но к Рождеству крестный мастерил особо ценную вещь, над которой долго трудился, потому-то родители тут же заботливо убирали подальше его подарок.

— Ах, крестный смастерил для нас что-то необыкновенное! — воскликнула Мари.

Фриц считал, что на сей раз изготовлена крепость, в ней будут маршировать и упражняться стройные солдатики, потом появятся другие солдаты, чтобы взять крепость штурмом, но те воины, из крепости, бросятся к пушкам и устроят невероятную пальбу.

— Нет-нет, — перебила Мари Фрица, — крестный рассказывал мне о прекрасном саде. Там есть еще большое озеро, по нему плавают чудесные лебеди с золотыми ленточками на шее и распевают дивные песни. Из сада приходит маленькая девочка, она подманивает лебедей к берегу и угощает их сладким марципаном.

— Лебеди не едят марципаны, — грубо перебил сестру Фриц, — да и целый сад крестный не сможет сделать. К тому же какой нам толк от его игрушек, все равно их сразу же

забирают. Мне больше нравятся папины и мамины подарки: они остаются у нас, и мы что хотим, то с ними и делаем.

Дети принялись гадать, что им подарят на этот раз. Мари сказала, что мамзель Трутхен — ее большая кукла — совсем испортилась, стала ужасно неуклюжей, то и дело падает на пол, так что на ее лице не счесть грубых шрамов, а уж о чистоте одежды и говорить не приходится, никакие увещания тут не помогают. Потом еще мама улыбнулась, когда Мари восхищалась маленьким зонтиком Гретхен.

Фриц уверял, что у него в придворной конюшне не хватает гнедого жеребца, да и кавалерии маловато, о чем хорошо известно папе. Словом, брат и сестра догадывались, что родители накупили им замечательных подарков и сейчас их расставляют на столе, кроме того, они знали, что милый Иисус смотрит на них добрыми детскими глазами и Его благословляющие руки осеняют рождественские дары как никакие другие. Дети вспомнили: когда они шептались об ожидаемых подарках, старшая их сестрица Луиза сказала, что всемилостивейший Христос одаряет ребят через их ласковых родителей, которые всегда рады доставить им удовольствие. Божественный Младенец лучше их самих знает, что им нужно, поэтому не стоит загадывать, нужно кротко ждать, что пошлет Господь Бог. Маленькая Мари глубоко задумалась, а Фриц прошептал: «Хотелось бы мне все-таки получить гнедого коня и гусар».

Стало совсем темно. Фриц и Мари, прижавшись друг к другу, не смели проронить ни слова, им чудилось, будто над ними веют легкие крылья и издали доносится чудесная музыка. По стене скользнул светлый луч, дети догадались, что Младенец Христос отлетел на сияющих облаках к другим счастливым ребятам.

В тот же миг раздался звон серебряного колокольчика: дзинь-дзинь-дзинь! Двери распахнулись. Гостиная озарилась

таким блеском, что дети с громким криком «Ах, ах!» замерли на пороге. Папа и мама взяли Мари и Фрица за руки и ласково проговорили: «Идемте же, идемте. Посмотрите, чем вас одарил всемилостивейший Христос!»

ПОДАРКИ

Я обращаюсь непосредственно к тебе, любезный читатель или слушатель, — Фриц, Теодор, Эрнст, все равно, как бы тебя ни звали, — и прошу как можно живее вообразить себе празднично украшенный рождественский стол, заставленный разнообразными чудесными подарками, какие ты, возможно, получал в прошлое Рождество, и тогда тебе будет нетрудно понять, что дети, обомлев от восторга, смотрели на все восхищенными глазами.

Спустя мгновение Мари с замиранием сердца проговорила: — Ах, как чудесно! Как же прекрасно!

Фриц от радости несколько раз подпрыгнул, это у него всегда хорошо выходило. Должно быть, дети весь год были послушными и благовоспитанными, потому что они еще ни разу не получали столько чудесных, красивых подарков.

Большая елка посреди комнаты была увешана золотыми и серебряными яблоками, на ветках расположились, будто цветы или бутоны, пестрые конфеты, засахаренный миндаль и другие разноцветные сласти, но лучше всего чудесное дерево украшали сотни маленьких свечек, которые, как звездочки, мерцали в темных ветвях. Залитая огнями елка так и манила к себе, предлагая сорвать растущие на ней цветы и плоды. Вокруг дерева все переливалось огнями. Чего там только не было — кому это под силу описать! Мари увидела чудесных кукол, миленькую игрушечную посуду, но больше всего ее обрадовало шелковое платье, украшенное яркими цветными

лентами, висевшее так, чтобы Мари могла его рассмотреть со всех сторон. Она и рассматривала, время от времени восторженно восклицая: «Ах, какое красивое, какое миленькое платице! Мне позволят, конечно же позволят его надеть!»

Фриц тем временем уже три или четыре раза проскакал галопом и рысью на гнедом скакуне, который, как он и предполагал, был на привязи у стола с подарками. Слезая, Фриц проговорил, что гнедой — неукротимая бестия, но он его, конечно же, вышколит. Потом Фриц произвел смотр новому эскадрону гусар, одетых в красные мундиры с золотом. Гусары держали в руках великолепное серебряное оружие и сидели на таких белоснежных лошадях, что можно было подумать, будто они тоже из чистого серебра.

Дети, немного уgomонившись, хотели было взяться за книжки с картинками, лежавшие раскрытыми на столе, чтобы можно было увидеть дивные цветы, ярко раскрашенных людей, милых играющих детей, нарисованных так искусно, что они казались живыми, способными вот-вот заговорить. Да только Фриц и Мари потянулись к книжкам, как вновь прозвенел звонок. Дети знали, что пришел черед подаркам крестного Дроссельмайера, и побежали к столу, стоящему у стены.

Убрали ширму, прикрывающую стол. И что же увидели дети? На зеленой, усеянной цветами лужайке возвышался чудесный замок с зеркальными окнами и золотыми башнями. Зазвенели колокольчики, двери и окна распахнулись, и все увидели, как по залам прогуливаются очаровательные крошечные кавалеры и дамы в шляпах с перьями и в платьях с длинными шлейфами. В центральном зале, который ослепительно сиял — так много свечек горело в серебряных люстрах, — под музыку серебряных колокольчиков танцевали дети в коротких курточках и юбочках. Господин в плаще изумрудного цвета выгляды-

вал из окна, изящно раскланивался и исчезал, а внизу, у ворот замка, появлялся и снова уходил крестный Дроссельмайер, росточком с папин большой палец, не больше.

Фриц положил локти на стол и долго рассматривал дивный замок с танцующими и прогуливающимися чудесными человечками. Потом он попросил:

— Крестный Дроссельмайер! Пусти меня в свой замок!

Старший советник суда напомнил, что это никак не получится. И он был прав: со стороны Фрица было глупо проситься в замок, который вместе с золотыми башнями был меньше его. Фриц и сам это осознавал, но не удержался от просьбы.

Немного погодя в замке все так же прогуливались кавалеры и дамы, танцевали дети, изумрудный господин выглядывал из того же окна, а крестный Дроссельмайер по-прежнему подходил к той же двери, и Фриц в нетерпении воскликнул:

— Крестный Дроссельмайер, выйди же наконец из другой двери!

— Этого никак нельзя сделать, — возразил старший советник суда.

— Ну тогда вели этому зеленому человечку, — продолжал Фриц, — тому, что выглядывает из окна, прогуляться с дамами и кавалерами.

— И это не получится, милый Фрицхен, — ответил старший советник суда.

— Тогда пусть спустятся вниз дети, — настаивал Фриц, — я хочу их получше разглядеть.

— Ничего этого не выйдет, — с раздражением проговорил старший советник суда, — механизм налажен раз и навсегда, все так и останется.

— Во-от как, — протянул Фриц, — ничего нельзя изменить? Послушай, крестный Дроссельмайер, если твои расфуфыренные человечки в замке только и умеют, что повторять одно и то

же, тогда они мне не нужны. Вот мои гусары умеют маршировать взад и вперед, как мне захочется, и они не заперты в доме.

С этими словами он подскочил к рождественскому столу, и по его команде эскадрон на серебряных конях поскакал рысью в разные стороны, размахивая саблями и стреляя сколько душе угодно.

Мари тоже потихоньку отошла от замка, ей также наскучили прогулки по замку, одни и те же танцы куколок, только она проделала это незаметно, в отличие от Фрица.

Старший советник суда Дроссельмайер сказал недовольно родителям:

— Такая искусная вещь не для неразумных детей. Я забережу свой замок.

Тут матушка попросила показать внутреннее устройство замысловатой игрушки, ее интересовало, какие механизмы приводят в движение всех куколок. Советник разобрал и вновь собрал весь замок с его обитателями. При этом он немного повеселел и подарил детям несколько красивых коричневых пряничных человечков с золотыми лицами, руками и ногами. Они были из Торна и чудесно пахли. Фриц и Мари обрадовались пряникам.

Сестрица Луиза по желанию матери надела подаренное платье. Оно ей прекрасно подошло, Мари попросила разрешения тоже примерить свое платье, чтобы выглядеть так же чудесно. Ей охотно разрешили.

ПОДОПЕЧНЫЙ

На самом деле Мари не хотелось отходить от стола с рождественскими подарками потому, что она заметила кое-что, чего не видела раньше. После выступления гусар Фрица, которые прежде стояли строем у елки, оказался на виду замечательный

человечек, скромно ожидавший, когда наступит его черед. Красотой он не отличался: его длинное мощное туловище опиралось на коротенькие, тонкие ножки, да и голова казалась великоватой. Зато аккуратная одежда выдавала, что это человек образованный и со вкусом. На нем был щегольский блестяще-фиолетовый гусарский мундир со множеством пуговиц и позументов, такие же рейтузы и нарядные сапожки, каких не доводилось носить студентам и офицерам. Сапожки ловко обтягивали хилые ножки, будто были на них нарисованы. К сожалению, при таком элегантном костюме нелепым выглядел узкий кургузый плащ, словно выкроенный из дерева, и горняцкая шапка на голове. Мари подумала, что крестный Дроссельмайер тоже носит нескладное пальто и неуклюжую шапку, но это не мешает ему быть милейшим и добрейшим человеком. Кроме того, Мари пришла к заключению, что крестный Дроссельмайер, будь он даже щеголем, как этот человечек, все равно бы не выглядел таким милым.

Внимательно вглядываясь в симпатичного человечка, который ей понравился с первого взгляда, Мари заметила, каким несокрушимым добродушием светилось его лицо. Его светло-зеленые, слегка навывкате глаза излучали приветливость и дружелюбие. Человечку была к лицу тщательно завитая белоснежная борода из хлопка, окаймлявшая подбородок, которая делала заметней ласковую улыбку на его алых губах.

— Ах! — воскликнула наконец Мари. — Милый батюшка, чей этот прелестный маленький человечек, который стоит под елкой?

— Он, милое дитя, — ответил отец, — должен трудиться для нас всех — разгрызать твердые орехи — и потому принадлежит и Луизе, и тебе, и Фрицу.

С этими словами отец взял в руки человечка, приподнял деревянный плащ, и тогда человечек широко-широко разинул

рот, показав два ряда очень белых острых зубов. Мари тут же сунула ему в рот орех — щелк! — человечек разгрыз его, скорлупа упала, и на ладони девочки оказалось вкусное ядрышко. Тут уже все, и Мари тоже, поняли, что маленький человечек происходит из рода щелкунчиков и продолжает профессию своих предков. Мари захлебнулась от восторга.

— Что ж, Мари, раз тебе так понравился Щелкунчик, ты уж тогда заботься о нем и береги его, только не забывай, что Луиза и Фриц тоже могут пользоваться его услугами.

Мари не замедлила взять Щелкунчика в руки и дала ему грызть орехи, выбирая самые маленькие, чтобы человечку не пришлось слишком широко разевать рот, что, по правде говоря, его вовсе не красило.

Луиза присоединилась к ней, дружок Щелкунчик старался и для нее; казалось, ему нравилось грызть орехи — он неизменно приветливо улыбался.

Между тем Фрицу надоело маршировать и скакать на коне; возможно, он уже подустал и, когда услышал, как весело щелкаются орехи, подбежал к сестрам и от души посмеялся над маленьким потешным человечком, который теперь переходил из рук в руки и неутомимо разевал и закрывал рот. Фрицу тоже захотелось отведать орешков, он стал быстро совать Щелкунчику самые большие и твердые, и тут вдруг — крак-крак! — три зуба выпали изо рта Щелкунчика, а нижняя челюсть его отвисла и зашаталась.

— Ах, бедный мой, бедный, милый Щелкунчик! — вскрикнула Мари и отобрала его у Фрица.

— Фу, какой дурак! — проговорил Фриц. — Хочет быть Щелкунчиком, а у самого хилая челюсть, и он ничего не смыслит в своем деле. Дай-ка его сюда, Мари, пусть грызет орехи, даже если потеряет последние зубы, да хоть и всю челюсть! Нечего жалеть бездельника!

— Нет-нет-нет! — заплакала Мари. — Не отдам я тебе моего милого Щелкунчика. Ты только посмотри, как он печален, как показывает свой раненый ротик! Ты жестокий — бьешь своих лошадей и позволяешь солдатам убивать друг друга!

— Так и должно быть, ты в этом ничего не смыслишь! — крикнул Фриц. — А Щелкунчик не только твой, но и мой тоже. Давай его сюда!

Мари разрыдалась и быстро завернула больного Щелкунчика в носовой платок. К ним подошли родители с крестным Дроссельмайером. К огорчению Мари, крестный принял сторону Фрица. Но отец заметил:

— Я намеренно отдал Щелкунчика на попечение Мари, он сейчас, как я вижу, нуждается в ее заботах, так пусть она им и распоряжается, никто не должен вмешиваться в ее дела. Вообще-то Фриц меня удивляет тем, что требует услуг от пострадавшего на службе. Как настоящий военный, он должен знать, что раненых не оставляют в строю, а отправляют на лечение.

Фриц устыдился и, не обращая больше внимания на орехи и Щелкунчика, тихонько пробрался к другой стороне стола, где его гусары, выставив, как полагается, караульные посты, расположились на почлег. Мари отыскала выпавшие зубы Щелкунчика, а пострадавшую челюсть перевязала красивой белой ленточкой, которую сняла со своего платья. Затем еще заботливее укутала платком бедного человечка, который сильно побледнел и казался испуганным. Баюкая его, как младенца, она принялась рассматривать красивые картинки в новой книге, которая лежала среди других подарков. И не на шутку рассердилась, хотя это было вовсе на нее не похоже, когда крестный Дроссельмайер стал смеяться над тем, что она нянчится с таким уродцем.

Тут она вновь задумалась над странным сходством Щелкунчика и Дроссельмайера, которое отметила про себя уже при первом взгляде, и проговорила со всей серьезностью:

— Как знать, милый крестный, был бы ты таким же красивым, как мой милый Щелкунчик, даже если бы принарядился, как он, и надел блестящие сапожки!

Мари никак не могла взять в толк, почему так громко расхохотались родители и почему у старшего судебного советника покраснел нос и он не смеется со всеми вместе. Верно, на то были свои причины.

ЧУДЕСА

В гостиной медицинского советника, у двери слева, стоял высокий стеклянный шкаф, куда дети убирали красивые подарки, которые получали каждый год. Луиза была еще совсем маленькой, когда отец заказал этот шкаф самому искусному столяру, и тот вставил в него нежнейшие прозрачные стекла, так что в шкафу игрушки выглядели даже красивее, чем когда их брали в руки. На верхней полке, куда Мари и Фриц не могли добраться, стояли чудесные изделия крестного Дроссельмайера, под нею помещалась полка с книжками-картинками, на двух нижних полках дети размещали все, что хотели. Обыкновенно Мари устраивала внизу кукольную комнатку, а Фриц над нею оборудовал военный лагерь. Так было и сегодня.

Пока Фриц расставлял наверху гусар, Мари внизу отодвинула в сторонку мамзель Трутхен, усадила новую нарядную куклу в центр хорошо меблированной комнаты и напросилась к ней в гости угощаться сладостями. Как я уже сказал, комната была красиво обставлена, и это правда; не знаю, есть ли у тебя, внимательная слушательница Мари, так же как у маленькой

Штальбаум, ты помнишь, что ее тоже зовут Мари, — так вот, не знаю, есть ли у тебя такая же красивая, вся в цветочках софа, несколько изящных стульчиков, низенький чайный столик, а главное — очаровательная светлая кроватка, где спят самые красивые куклы?

Все это стояло в углу шкафа, стены которого были даже оклеены цветными картинками, и ты легко поймешь, как приятно здесь было жить новой кукле, которую, как Мари только что узнала, звали мамзель Клерхен.

Был уже поздний вечер, приближалась полночь. Крестный Дроссельмайер давно ушел, а дети все никак не могли оторваться от стеклянного шкафа, хотя мама уговаривала их идти спать.

— Правда, правда, — согласился наконец Фриц, — усталым парням, — он имел в виду своих гусар, — давно пора на покой. Пока я здесь, никто из них не осмелится клевать носом!

И с этими словами он ушел. Но Мари все упрашивала:

— Еще минуточку, одну только минуточку, милая мамочка, мне нужно кое-что сделать; как только управлюсь, сейчас же пойду спать!

Мари была разумным и послушным ребенком, и потому мама могла спокойно оставить ее с игрушками. Но чтобы дочь, заигравшись с куклами и новыми подарками, не забыла погасить свечи, горевшие вокруг шкафа, матушка сама их все задумала, оставив лишь лампу, висевшую посреди потолка и лившую на всю гостиную мягкий уютный свет.

— Долго не задерживайся, милая Мари, иначе утром вовремя не встанешь, — сказала мама, удаляясь в спальню.

Как только Мари осталась одна, она тотчас приступила к тому, что уже давно задумала, хотя, неизвестно почему, не призналась в этом даже маме. Она все еще баюкала на руках укутанного в носовой платок раненого Щелкунчика. А теперь бе-

режно положила его на стол, развернула платок и осмотрела раны. Щелкунчик был очень бледен, но все же улыбался, причем так жалостливо и мило, что тронул Мари до глубины души.

— Ах, милый Щелкунчик, — проговорила она тихо, — не сердись, что братец Фриц причинил тебе боль, ведь он это сделал не нарочно. Фриц немного огрубел от суровой солдатской жизни. Поверь мне, он очень хороший мальчик! Я буду выхаживать тебя, пока ты не выздоровеешь и не повеселеешь. А вот зубки тебе вставит и вправит плечи крестный Дроссельмайер, он на все руки мастер...

Мари не успела договорить. Лишь только она произнесла имя крестного, дружок Щелкунчик вдруг скорчил злую мину и в его глазах сверкнули колющие зеленые огоньки. Но в тот миг, когда Мари чуть не испугалась, на лице Щелкунчика вновь заиграла жалобная улыбка. Мари подумала, что черты ее друга исказил свет, мигнувший от сквозняка лампы.

— Ну, я же не глупая девчонка, чтобы ни с того ни с чего испугаться и посчитать, будто деревянные куклы могут корчить разные гримасы! Все-таки я люблю Щелкунчика, потому что он такой смешной и такой добрый. Надо за ним как следует ухаживать!

С этими словами Мари взяла своего дружка на руки, опустилась на корточки и сказала новой кукле:

— Я очень тебя прошу, мамзель Клерхен, уступи кроватку раненому Щелкунчику, а сама устройся на софе. Ты ведь здоровая и крепкая, ишь какая круглолицая и румяная! Да и не у всех даже самых красивых кукол есть такая мягкая софа.

Мамзель Клерхен, разнаряженная по случаю Рождества в пух и прах, важно надулась и не выдавила из себя ни звука.

— И чего это я с нею церемонюсь! — проговорила Мари, сняла с полки кроватку, нежно уложила туда Щелкунчика,

обвязала ему пострадавшие плечи красивой лентой, которую носила вместо пояса, и накрыла его одеялом по самый нос.

«Ох, верно, не стоит его оставлять с несносной Клер», — подумала она и поставила кроватку с Щелкунчиком на верхнюю полку, возле красивой деревеньки, где располагались гусары Фрица. Потом заперла шкаф и собралась уже идти в спальню, как — только послушайте, дети! — вдруг во всех углах, за печью, стульями и шкафами, началось какое-то шуршанье, шушуканье и бормотанье. Стенные часы зашипели, захрипели, но никак не могли пробить полночь. Мари глянула на них. Большая позолоченная сова, сидевшая на часах, расправила крылья, а потом опустила их, и они заслонили циферблат. Мало того, сова вытянула вперед противную кошачью голову с кривым клювом. Часы продолжали хрипеть. Среди шипенья и хрипа Мари расслышала такие слова:

— Тик-так, бум-бум, не умерите ли шум? Слышит все король мышиный! Скоро прозвенит звонок, королю приходит срок!

Бим-бом! — часы глухо и хрипло пробили двенадцать раз. Мари не на шутку испугалась и чуть не убежала со страху, как вдруг увидела, что на часах вместо совы сидит крестный Дроссельмайер, свесив, словно крылья, полы своего желтого сюртука. Мари взяла себя в руки и жалобно прокричала:

— Крестный Дроссельмайер, что ты там наверху делаешь? Слезай вниз и не пугай меня, противный крестный!

Вдруг неожиданно-негаданию раздались со всех сторон странное хихиканье и писк, послышались беготня и топот за стеной, будто там туда-сюда сновали тысячи маленьких лапок, сотни крохотных огоньков засияли из щелей в полу. О нет! — то были не свечки, а маленькие блестящие глазки. Мари увидела, что из всех дырок выглядывают целые полчища мышей. Топ-

топ-топ, шмыг-шмыг-шмыг! — застучали мышинные лапки по комнате. Скоро они уже выстроились в ряды наподобие отрядов Фрица, когда он их готовил к бою. Это позабавило Мари, у нее не было, как у других ребят, врожденного отвращения к мышам, страх ее почти прошел, как вдруг послышался такой грозный и пронзительный писк, что она похолодела от ужаса. Ах, что же там было!

Нет, право же, любезный читатель Фриц, я уверен, что у тебя, как и у бесстрашного полководца Фрица Штальбаума, мужественное сердце, но, если бы ты увидел то, что открылось взору Мари, ты бы удрал сломя голову, шмыгнул в постель и натянул бы одеяло по самые уши. Ах, а бедняжка Мари не могла этого сделать, потому что — только послушайте, дети! — к самым ее ногам, словно от подземного толчка, вдруг выбросило песок, известку и осколки кирпичей, из-под пола со страшным шипением и визгом высунулись семь мышинных голов с семью сверкающими королевскими коронами. А вскоре выбралось целиком и мышинное туловище, на котором сидели эти семь голов. Мышинная орда хором трижды приветствовала мышь с алмазными коронами. Войско пришло в движение — топ-топ-топ — и устремилось к шкафу, прямо на Мари, которая все еще стояла, прижавшись к стеклянной дверце. Сердце у девочки от ужаса заколотилось так, что она боялась, как бы оно не выпрыгнуло из груди, тогда она уж точно бы померла. Но тут ей показалось, будто кровь застыла у нее в жилах. Мари отпрянула и зашаталась, теряя сознание, клинг-клинг-клир — посыпались осколки стекла, которое Мари разбила локтем. В тот же миг она почувствовала жгучую боль в левой руке и одновременно облегчение: она больше не слышала визга и свиста.

Наступила тишина. И хотя она не могла открыть глаза, но все же подумала, что мышинное полчище испугал звон разбитого стекла и мыши убрались восвояси.

П 44 Подарок на Рождество : Рассказы зарубежных писателей / пер. С. Антонова, Л. Бриловой, С. Лихачевой и др. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 384 с. : ил.

ISBN 978-5-389-34476-1

Когда на улицах белым-бело от снега и природа словно замерла, скованная морозом, а в домах пахнет хвоей и зажигаются свечи и гирлянды, наступают всеми любимые праздники — Рождество и Новый год. Эти дни наполнены радостью и ощущением чуда, праздничная атмосфера пробуждает в людях надежду на лучшее, помогает преодолеть невзгоды, забыть старые обиды и поверить в добро. Идея духовного обновления лежит в основе жанра рождественского рассказа, которому отдали дань многие именитые писатели, а его основоположником принято считать Чарльза Диккенса — автора знаменитой «Рождественской песни в прозе» о мрачном скряге Скрудже. В этом сборнике представлены рассказы зарубежных писателей, посвященные Рождеству, — Диккенса, Гофмана, Андерсена, Мопассана, С. Лагерлёф, Джерома К. Джерома, О. Генри и других.

Книга празднично оформлена: в ней использованы старинные открытки и иллюстрации из периодической печати конца XIX — начала XX века. Она адресована самой широкой читательской аудитории и станет прекрасным подарком для родных и друзей к Рождеству и Новому году.

УДК 821 + 82-822
ББК 84(0)я43

ПОДАРОК НА РОЖДЕСТВО

Рассказы зарубежных писателей

Руководитель проекта Кирилл Красник

Ответственный редактор Алла Степанова

Художественный редактор Вадим Пожидаев

Технический редактор Мария Антипова

Подготовка иллюстраций Екатерины Мишиной, Дмитрия Кабакова

Корректоры Нина Писковитина, Валерий Камендо

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 03.09.2026.

Формат издания 72 × 90 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Усл. печ. л. 28,8. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-BHK-43896-01-R